

Роза
Кожевникова

1950–2007

Молитва

«Бисмилла иррахман иррахим...»
 С этой магией фразы туманной
 Засыпают в блаженном обмане, –
 Только б верить, что кем-то храним.
 По ночам и слепым и глухим,
 Когда хвори меня обступали,
 Мама зыбку качала в печали:
 «Бисмилла иррахман иррахим...»
 Заклинанье из глубы веков
 Сколько губ под луною шептало,
 И над горем и счастьем витало
 Столь напевное таинство слов.
 И, не веруя силам иным,
 Всё же молвишь порой по наитью
 Этот древний зачин у молитвы:
 «Бисмилла иррахман иррахим!...»

Как ты, мама, одна на станции Дельта живёшь,
 Каждый день ожидая в дверях почтальона?
 Сердце рвётся вдогонку зелёным вагонам.
 Как ты, мама, одна на станции Дельта живёшь?
 Там соседи при встрече участливо спросят: «Как дочь?»
 И услышат ответ по-житейски простой, не новый:
 «Жива и здорова она, жива и здорова», –
 А во взгляде и гордость, и одинокая ночь.
 Спозаранку встаёшь, к колонке идёшь за водой.
 Не прольётся ни капли из вёдер певучих.
 Так и счастье моё ты по жизненным кручам
 Пронесла, чтоб потом надолго остаться одной.
 Как ты, мама, сейчас на станции Дельта живёшь?
 Вспоминая тебя, всех живущих в разлуке жалею.
 А спросить у тебя в своих письмах что-то не смею:
 Как ты, мама, одна на станции Дельта живёшь?..

Карагашам

Среди своих – почти чужая,
 Среди чужих, конечно, не своя, –
 Как дерево,
 чей шелест в мае,
 Увы, непостижим родным корням.
 Мой род тем временем всё тает.
 Кто вспомнит байгунды* и серкеле*,
 Когда детей от речи отлучают,
 А стариков всё меньше на селе?..
 Из отлучённых я, но помню
 Над колыбелью материнский свет, –
 С печалью изучаю свои корни,
 Опомнившись вдруг на излёте лет.
 Но сын – балдыр**.
 Среди кого – чужой он,
 Среди кого – он свой,
 мне не понять,
 Когда слияньем душ родных
 рождён он,
 Как высшая на свете благодать.

* Названия родов Сеитовской группы карагашей, в данном случае – отца и матери.

** Метис.

Рябиновый город

Омутнинску

О, город осени моей!
Куда ни глянь окрест,
В тебе пылающих кистей
Рябиновых не счесть.
И сердцу ковылей степных
Здесь, в северных лесах,
Гореть огнём рябин твоих,
Дивиться чудесам
Судьбы, забросившей меня
В такую круговерть,
Где осень ткётся из огня –
Зима не даст сгореть!

76

Райская птица

Певнице Эмми Стюарт

О птица райская, откуда ты взялась?
Кого ещё с ума сводила прежде?
Мелодии мучительная власть,
Продли, продли во мне свои надежды!..

О птица райская, как поздно ты поёшь...
Твой дивный голос недоступен, знаю...
Ты в сад иллюзий, в райский сад зовешь,
А в нём плоды чужие дозревают...

Поделом! – накажи,
Накажи меня этой разлукой.
Затяжные дожди
Навевают печаль, а не скуку.
Спросишь, как мне одной?
Сознаюсь, что кручинюсь.
Только б, только с тобой
В эти дни ничего не случилось...

Осень в Казани

Этюд

Я эту дамбу назвала бы Жёлтой.
По ней, наверное, вошла и осень в город,
Тридцатилетняя, устало и негордо,
Влача свой шлейф с чуть тусклой позолотой.

И эти фонари её встречали,
Глаза их налились густой печалью.
Шоссе, что кожура огромной дыни,
Желтея, стынет по ночам и стынет.

Отсюда осень не спеша вливалась
В сосуды улиц, пальцы переулков.
Стучало сердце городское гулко.
Заря вставала желтовато-ало...

Какая сила нас влечёт друг к другу? –
Ведь впереди горит лишь красный свет.
И мчимся мы по замкнутому кругу
Безжалостных к случайной встрече лет.
Не для меня твои глаза и руки,
Не для меня давно слова твои.
И в осени уж зреет плод разлуки,
Он упадёт, созрев в какой-то миг.
Но все же мчимся, мы безумно мчимся –
А вдруг судьбу удастся обмануть?!
И катастрофы словно не боимся,
А до зимы каких-то пять минут.

Памяти Фаиза Зулькарная

Наступила пора потерь.
Наступила пора утрат.
За тобою на фото дверь –
Ты как будто стоял у врат...
В середине жизни они...
Почему твоя жизнь взята? –
Лишь души остались огни...
Ожидает нас вечный дом –
Но зачем перед этим – взлёт?
Мы не вслед за тобой уйдем,
За тобой повторим полёт...
В свой конец –
даже сам не верь.
В нашем деле –
ты жив стократ!
Почему же пора потерь,
Почему же пора утрат?..

Последние дни уходящего лета
С болезненной верой и в сны,
и в приметы,
Отчаянья всплески и сумасбродства,
Когда обветшавшая ниточка рвётся,
Когда на усталой, заезженной ноте
Мелодии прежней уже не вернёте,
И время уже не излечит, как встарь, –
Осыпался и облетел календарь.

Гавань тихая. Близко лето.
Снег с черёмухи, синий дом
Долго помниться будут на свете –
Не на этом, так, значит, на Том.

Сценарий несостоявшегося вечера

Странно всё как-то... Жила-была Роза, и вот нет Розы! В ушах ещё стоит её плавно-плывущий голос, из записной книжки мобильника не удалён телефон. Одно время она была моей начальницей, и мне есть что вспомнить...

Почти двадцать лет минуло с того далёкого 1989-го, когда четыре разные дорожки, попетляв-поплутав по жизни, неожиданно сошлись в одной точке пересечения – в журнале «Идель».

Ахат Мушинский, Роза Кожевникова, Майя Валеева и я – вот и вся редакция русскоязычного издания нового журнала. Позднее к нам примкнул переводчик Фаяз Фаизов, а ещё позже – поэт Сергей Малышев.

Застучали печатные машинки, повсюду угрожающе стали расти кипы рукописей, замелькали лица авторов – известных и не очень... Первых, чьи парадные портреты украшали пантеон татарстанской литературы, угощали мы. Вторые, приносили с собой и угощали нас. Теперь мне кажется, что это была последняя в Казани по-настоящему литературная редакция журнала, каких теперь уже нет!

Авторов не шмонали на входе секьюрити и не требовали ставить на разовом пропуске время выхода и подпись принявшего их лица. В кабинетах не пахло мёртвым евроремонтом, здесь стояли «богатые» окололитературные запахи. Какой-нибудь нюхач мог бы, пожалуй, втянув ноздри, распознать в этом «букете» библиотечную пыль, пепел графоманских рукописей вперемежку с жёлтой лиственной, ещё сигаретный туман, а по весне в высокие окна особняка купца Окошниковова, где находилась редакция, тянуло из местного сада ароматом свежераспустившейся липы. Из секретариата, ближе к обеду, сытно пахло варёной картошкой и крепким чаем с молоком, из русской редакции – ментоловыми сигаретами Майи и духами Розы. Названия их Роза не раскрывала, но пахли они как-то по-загадочному «тёмно-фиолетово». Этот аромат способен был перебить разве что переводчик Фаяз Фаизов – по дороге в редакцию он отмечался в любимой пивнушке, где пропускал пару кружек с воблой, которую постоянно носил в кармане пиджака.

Это была вольница – благодатная почва для произрастания талантов. Авторы слетались под крышу «Идели»: одни как мухи, другие как бабочки!

Прошло каких-то пять-шесть лет, и наши дорожки разбежались. Время не удержиимо... «Одних уж нет, а те далече»! Майя перебралась в городок Барабу (США), на самой границе с кленовой Канадой. Ушёл за горизонт жизни сначала Сергей Малышев, а потом вот и Роза Хабиевна – в декабре, под самый 2008-й...

**В морозный день над чистым снегом
Мелодия зимы плывёт,
Переполняя душу светом
И отрешая от забот.
И неестественно прекрасны
Стоят деревья без теней...
Откуда в будни этот праздник,
За что пожалован он мне?**

Я возвращался домой, спускался с Ометьевской горы, когда вдруг заверещал мобильник, и Ахат Мушинский сообщил мне о её кончине. Помню, выглянуло закатное морозное солнце и позолотило нищие избушки на склоне. По ледяному

небу заскользил коньком реактивный самолёт, а мне показалось, что это она уносится в вечность, но перед этим сделает короткую остановку в своём прошлом. На станции Дельта Астраханской области, где родилась, в Литинституте, где училась и, конечно, в Казани 80-х...

**И снова сердце молодо забилося,
И ожили среди зимы цветы.
Банальности вдруг смыслом засветились.
Всё потому, что есть на свете ты!**

Недавно разбирая бумаги, я наткнулся на листочки сценария юбилейного вечера Розы Кожевниковой, который так и не состоялся:

«В оформлении сцены использованы любимый юбиляром образ рябины, проходящий через всё творчество поэтессы, а также её любимый цвет – фиолетовый. Небольшой куст живой рябины высвечен локальным источником света таким образом, что его силуэт падает на задрапированную фиолетовым полотном стену.

Юбиляр появляется перед зрителями не сразу, но слева на сцене её ожидают столик с одной большой белой розой, канделябр с незажжённой свечой и кресло – всё из реквизитов филармонии. Сцена освещена мягким фиолетовым общим светом.

Ведущий. Нередко приходится слышать: а нужна ли поэзия вообще? Не проще ли выразить ту же мысль без всяких «поэтических выкрутасов» – скажем, в обычной газетной заметке? Но обыденное слово апеллирует к разуму. Поэзия же обращена к чувствам и эмоциям человека, проникая в сокровенные глубины сердца, тайники души!

Стихи Розы Кожевниковой привлекают прежде всего вот этой эмоциональной насыщенностью, поэтическим накалом. Лирическая героиня её стихов ощущает себя бабочкой, неудержимо летящей на огонь...

**В воображеньи вызвать пламя снова
То ль жестом, то ли взглядом, то ли словом.
Какое сумасбродство – жечь сердца,
Когда рябины холод у лица!**

Ведущий запалывает зажигалкой свечу на столе. И в это время из зала на сцену поднимается сама поэтесса».

По странному совпадению, с уходом Розы из журнала «Идель» обрушился лепной потолок в её кабинете, а потом и в коридоре редакции. Когда, год назад, я проходил мимо бывшего особняка, где находится Союз писателей Татарстана, и размещается редакция, то как-то невольно подумалось: завершилась эпоха «нашего» «Иделя» и началась другая...

Когда я писал сценарий её вечера, то много нового почерпнул для себя. Вот что поэтесса сама рассказала о своих корнях: «Мне часто приходится слышать в свой адрес вопрос о том, какой поэтессой я себя считаю – татарской или русской? И задают его, прежде всего, те представители интеллигенции, кто болезненно сосредоточен на национально-этнической теме. И я им отвечаю так: «Во мне живут два менталитета: татарский и русский, тем более, что я, кроме собственного сочинительства, работаю на стыке двух литератур, то есть много перевожу с татарского на русский татарских поэтов и прозаиков!

Этническая история моих предков – карагашей – довольно интересна, в чём-то спорна и даже скорбна. По переписи 1913 года их было 60 тысяч человек, а в 1989 году их насчитали всего 6 тысяч! Характерно, что из всех астраханских татар лишь у карагашей сохранилось деление на роды. Например, мой отец – из

рода Байгунды, а мать – из рода Серкеле. Оба рода очень древние. О национальной принадлежности скажу: мы – татары. Об этом хорошо написал учёный Арсланов: «Карагаши, как и другие этнические группы Астраханской области, в силу ряда социально-исторических причин записаны татарами. Под этим названием подразумевают всё тюркоязычное население этого региона. Так что по национальности все мы – татары, а по большому счету – турки. Делиться и делить нам нечего, скорее нам объединяться нужно!»

Родной мой уголок, родное пепелище,
Заросший ежевикой переезд,
В нелёгкие минуты ты мне снишься
Как добрая спасительная весть.
Родная речь, от коей в восемь лет
Отлучена ради отметок школьных,
Во мне живёт глубинный твой привет
И твой мотив незыблемо-раздолбный.
Родное понизовье, твой росток
Привился там, где эта речь в почёте,
Где бьется и журчит её исток, –
О, только бы журчал не на излёте...

За ней водилась милая школьная привычка записывать всю важную информацию шариковой ручкой на руках, чтобы не забыть. Как-то я разобрал на её ладони два слова – «Рябины холод», позднее ставшие образом будущего стихотворения.

Роза Кожевникова – автор четырех сборников стихов. Хотя в количестве ли дело?! Ведь, как известно, одна тоненькая книжца может стать «томов премногих тяжелей»!

«Ведущий». В 2000 году Роза Кожевникова была названа в Татарстане «Женщиной года» в номинации «Упорный труд и счастье вдохновенья». Она является лауреатом литературной премии имени Горького, заслуженным работником культуры республики, но главное её звание – Поэт! С чем мы Розу и поздравляем!

Ну, а теперь настало время предоставить слово самой виновнице торжества – поэтессе Розе Кожевниковой!

Выход поэтессы необходимо обозначить музыкальным сопровождением и специальным освещением (далее, страничка текста утеряна, – *прим. автора*).

...Аплодисменты. Музыкант исполняет на виолончели мажорную композицию. Официальная часть творческого вечера поэтессы Розы Кожевниковой на этом заканчивается. Приглашенные следуют на фуршет».

Адель Хаиров

